

Г. С. Самойлова, Е. С. Суровегина, Р. В. Шиженский

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЯЗЫЧНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФЕНОМЕН ИМЕНОСЛОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Статья посвящена изучению феномена именовслова и имянаречения в языческих движениях современной России. Исследуются принципы выбора и присвоения сакрального имени как средства самовыражения и самоидентификации новых язычников, их дистанцирования от действующего, традиционно сложившегося на основе православной культуры именника. Установлено, что ономастическое пространство неоязычества не повторяет и не накладывается на древний языческий именник. Ориентируясь на традиционный языческий ономастикон, современное язычество отражает собственные предпочтения в выборе имени. Выбор онима и обряд имянаречения определяются новыми условиями существования и отношениями духовного мира современного человека. Преобладают имена, как правило, сложной структуры, с положительной семантикой. Аксиологическими маркерами феномена современного язычества выступают понятия добра, света, славы, этические категории, переоценка собственного мировоззрения и мировидения через призму нового имени. Имя, по мнению, респондентов определяет изменения в их жизни, помогает расширению кругозора, самопознанию, улучшению качества жизни.

Выступая в качестве социального, культурного и индивидуального маркера, новое имя является средством самоидентификации не только его отдельных носителей, но и новых языческих сообществ в целом. Ономастическое пространство современного язычества объединяет представителей неоязычества любого варианта, течения, толка, позволяя распознавать «своих» и «чужих» – других, не имеющих отношения к современному язычеству.

Ключевые слова: современное русское язычество, ономастическое пространство, обряд, имянаречение, сакральность, самоидентификация, анкетный опрос.

Современное славянское язычество «занимает одно из экзотических мест в религиозном атласе Российской Федерации. Феноменальность данного мировоззрения сопровождается сегодняшнюю версию язычества на протяжении всей истории существования. Терминология и хронология, религиозность (псевдорелигиозность) и ритуалистика, источниковая база и новое волховское «сословие» – лишь некоторые проблемные поля, с которыми сталкивается как носитель, так и исследователь языческих дискурсов XXI века» (Шиженский, 2016: 5).

В настоящее время pagan studies (языческие исследования) широко представлены как в зарубежной (Barner-Barry, 2005; Modern Paganism in World Cultures..., 2005; René Gründer, 2005), так и в отечественной историографии (Агальцов, 2010; Гайдуков, 2013: 169–180; Shizhenskii, Aitamurto, 2017: 109–132; Shizhenskiy, 2017: 161–182). Вместе с тем, большинство исследований, посвящённых феномену современного язычества, исследуют хронологическую и источниковую базы, структурные и мировоззренческие особенности конкретных неоязыческих групп или направлений (одинизм, викка, одализм, друидизм и др.). В рамках отечественного научного дискурса заданная тематическая структура «усиливается» политическим и этническим компонентами – соответствующим поиском политиков и националистов от язычества (Кавыкин, 2007; Шнирельман, 2015). При этом вне исследовательского поля остаётся важнейший элемент, как мировоззрения, так и непосредственно классификации нового язычества – самоидентификация. Соответственно, выявление локусов, позволяющих представителю российского социума XXI в. считать себя «человеком традиции», невозможно без непосредственного контакта с носителем, в конкретном случае без анкетного опроса представителей нативистских («родноверческих») общин.

Фиксация и первичный анализ анкетного массива, собранного в результате полевых экспедиций научно-исследовательской лаборатории «Новые религиозные движения в современ-

ной России и странах Европы» Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (руководитель – кандидат исторических наук, доцент Р. В. Шиженский) (2013–2017 гг.), выявили ряд характерных страт, формирующих «младоязыческую ментальность». К последним, в том числе, следует относить роль лидера-харизмата, языческий новый язык («новояз»), религиозную атрибутику, ритуальную пищу, и т. д. (Шиженский, Суروهгина, 2017а: 492–502; Шиженский, 2017: 25–33; Шиженский, Суروهгина, 2016: 213–216; Шиженский, Суروهгина, 2017б: 10–14).

Лингвистическая составляющая, представленная в графике (стилизация графем, подражание уставному письму, пиктографические знаки), в намеренной архаизации лексики и грамматики, в диалоговой форме подачи материала, принципах его отбора, в особенностях номинации общин, течений, толков, еще ждет своего исследователя.

В заявленном контексте особый интерес представляет исследование русского неоязыческого ономастикона. Следует подчеркнуть, что традиция «имянаречения» – принятие неофитом нового сакрального имени – является неотъемлемой частью обрядового комплекса большинства действующих языческих объединений и характерна для рассматриваемого нового религиозного движения с момента возникновения (последней четверти XX в.) (Доброслав, 2003).

Настоящая работа представляет опыт лингвистического изучения онимов современного славянского язычества. Основу исследования составили данные опроса проведенного лабораторией «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы» в 2017 г. (Московская область, Серпуховской район, деревня Глубоково, 19–25 июня, организатор: сообщество общин «Велесов круг») и полученные в ходе интервьюирования рядовых участников новоязыческих обрядов Купальского цикла (имянаречение, очищение, свадьба, жреческо-волховские обряды посвящения, непосредственно религиозно-мистериальный «комплекс» праздника Купалы), а также материалы, взятые из групп языческих сообществ социальной сети «ВКонтакте» («Велесов круг», «Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры», «Круг Языческой Традиции»).

Характеризуя систему онимов, представленную в современных языческих течениях, мы используем термин ономастическое пространство, предложенный В. Н. Топоровым. По его мнению, ономастическое пространство не совпадает, не накладывается и не повторяет ономастическое пространство в его историческом и национально-культурном плане и всегда конкретно (Топоров, 1969: 33–34). Мы считаем, что ономастическое пространство новых языческих течений представляет собой уникальный лингвокультурологический феномен, характеризующий духовные, языковые, психологические установки и предпочтения представителей современного язычества. Уникальность названного явления состоит в том, что онимы призваны «служить целям самовыражения, самоидентификации и дистанцирования от действующего, традиционно сложившегося на основе православной культуры именника» (Самойлова, 2016: 190–191). Соответственно круг ономастических единиц современного язычества не повторяет ономастикон старого дохристианского язычества, но использует приемы, принципы именования лица, сложившиеся в древности.

Размышляя о социокультурном значении онима, С. И. Гарагуля пишет: «Анализируя личное имя сквозь призму идентичности, считаем возможным выделить антропонимическую идентичность, определяемую как психологическое соотнесение индивида со своим именем и восприятие этого имени и его носителя представителями данной и других лингвокультур, что позволяет индивиду определить свое место в лингвосоциокультурном пространстве и свободно ориентироваться в нем, создавая определенную связь с обществом, в котором он живет» (Гарагуля, 2012: 45).

Можно предполагать, что ономастическое пространство неоязычества представляет собой системное образование, призванное идентифицировать носителей этого мировоззрения, объединить практически все существующие, хотя и различающиеся по иным параметрам, общины, течения, толки (Aitamurt, Тютютина, 2017; Хроленко, 2016).

Количество членов трех языческих объединений, в рамках интернет пространства, составляет 10395 человек. Из них 248 человек (192 мужчины и 56 женщин) имеют особые языческие имена, что равняется 2,4 % от общего числа членов виртуальной культовой среды. Материалы полевых исследований 2017 года свидетельствуют о том, что используется 156 имен (119 мужских и 37 женских).

Статистические показатели употребления языческих имен (количество носителей новых имен) отражены в таблице.

	ССО СРВ		Велесов круг		КЯТ		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Мужские имена	72	77,4	61	77,2	59	7,6	192	77,4
Женские имена	21	22,6	18	22,8	17	2,3	56	22,6
Всего носителей языческих имен	93	100	79	100	76	100	248	100

Данные таблицы показывают, что принципиальных количественных различий в употреблении языческих имен в составе обследованных общин не выявлено, в связи с чем дальнейший анализ именника современных языческих общин проводился совокупно, недифференцированно. Установлено также, что количество носителей мужских языческих имен в каждом из современных славянских объединений существенно (практически в 3,5 раза) превышает долю женщин, принимающих новое имя. Учитывая, что языческое (сакральное) имя, как правило, принимают руководители – жреческо-волховское сословие, adeпты языческих общин, можно предположить меньшую степень деятельного участия женщин в современных языческих движениях. Данное предположение косвенно подтверждают и данные опросов 2014–2015 гг., где доля носителей мужских имен (60%) превалирует над долей носителей женских имен (40%). (Шиженский, Суrowегина, 2017в: 201–204; Шиженский, 2015: 19–29).

На материале современного языческого именника подтверждается мнение С. И. Гарагули о том, что «у каждого индивида имя функционирует как «текст» языковой, культурной, национальной, этнической и религиозной принадлежности, семейных отношений; оно может указывать на профессиональное положение человека, определять коммуникативные модели» (Гарагуля, 2012: 46). Мы убеждены в том, что имя и ономастическое пространство новых языческих течений в целом является способом самовыражения, самоидентификации и в совокупности с другой языковой (графической, пиктографической), этнографической, культурно-исторической символикой служит целям дистанцирования не только от традиционного христианского или современного общеупотребительного именника, но и от других социальных и религиозных сообществ (Самойлова, 2016: 190–200).

В анкетировании, проведенном во время Купальского праздника (Московская область, Сурпуховской р-н, д. Глубоково), приняло участие 263 человека. Опросный лист 2017 г. состоял из четырех вопросных блоков, содержащих как открытые, требующие от респондента при ответе авторских комментариев, так и закрытые вопросы, нацеленные на определение степени вхождения в языческую традицию. Впервые в анкету были включены вопросы, не только констатирующие наличие/отсутствие нового (языческого) имени, но и посвященные самоанализу и осознанию выбора нового имени.

Блок опросного листа, посвященный языческому ономастикону, состоял из семи вопросов, направленных на определение наличия или отсутствия языческого имени у респондента, возможной причины, побудившей принять новое имя, способа его приобретения, источника

легшего в основу индивидуального языческого имени, изменения в жизни после принятия нового имени и др.

В ответе на первый вопрос представителям языческого сообщества предлагалось указать, являются ли они носителями языческого имени. 104 человека (9,5%) отметили, что являются обладателями сакрального имени (ПМА, 2017). Восемь человек (3%) от общего числа опрошенных отказались ответить на данный вопрос. Отсутствовало новое имя у 151 участника Купальского праздника (57,4%).

Второй вопрос был направлен на определение причины, побудившей принять участниками Купальского праздника новый (второй) оним. Наибольшее число ответов получил вариант *приверженность к определенному (языческому) мировоззрению* – 56 человек (21,3%). Второе место заняла категория *другое* – 24 респондента (9,1%). Среди ответов на данный вопрос наиболее интересными были следующие: *определение себя, духовное саморазвитие; родовая память; необходимость освобождения от пут инородной веры; приобрести качества, присущие имени* и др. Кроме того, одной из причин использования нового имени стало *стремление к самоидентификации*, данный вариант ответа выбрало 13 человек (4,9%). Для 5 респондентов (1,9%), принявших участие в опросе, причиной, побудившей принять второе имя, стал *пример родственников, друзей, знакомых*. Для двух человек (0,8%) новое имя было выбрано под влиянием *авторитета (учителя, наставника, вождя)*. Варианты *мода* и *вызов массовой культуре* не были выбраны ни разу. 163 респондента (62%) отказались отвечать на данный вопрос.

Цель третьего вопроса блока заключалась в определении способа принятия нового сакрального имени. Через обряд имянаречения, который провел жрец/волхв общины/союза, языческое имя получило 70 человек (26,6% от общего числа опрошенных). Самостоятельно новым именем себя нарекло 24 респондента (9,1%); 6 человек (2,3%) приобрело свое второе имя от родственника, друга или знакомого. Затруднились дать ответ на указанный вопрос 163 участника Купальского праздника (62%).

В ответе на четвертый вопрос респонденты должны были указать источник, легший в основу нового имени (предлагалось выбрать до двух вариантов). Согласно полученным данным, приоритетными являются следующие источники: *собственная интуиция* – 33 человека (12,5%); *устные рекомендации главы общины, жреца, волхва* – 16 респондентов (6,1%); *"именословы", созданные лидерами общин/союзов* – 13 человек (4,9%); *специализированные словари и справочники* – 11 человек (4,2%); *советы близкого друга, человека* – 10 человек (3,8%). Вариант *другое* выбрало 14 человек (5,3%). 166 человек (63,1%), принявших участие в опросе, не ответили на данный вопрос.

В качестве второго источника, легшего в основу выбора имени, респонденты указали: *собственная интуиция* – 9 человек (3,4%); *«именословы», созданные лидерами общин/союзов* – 1 респондент (0,4%). Среди ответов категории *другое* были указаны следующие источники: *энергия и мировосприятие; путь души; производное от ведического имени; мнение рода*.

Пятый вопрос ставил своей целью выяснить, чем руководствовался респондент при выборе второго (сакрального) имени. Для 65 опрошенных (24,7%) руководством к приобретению языческого имени стало его *смысловое наполнение, значение его частей*. 11 человек (4,2%) при выборе нового имени опирались на его *историчность*, 4 респондента (1,5%) на его *благозвучность*. Вариант *другое* отметило 14 человек (5,3%). Среди ответов категории *другое* наиболее интересными стали: *соответствие моей душе; внутренний мир; имя приснилось во сне*. 169 респондентов (64,3%) на этот вопрос не ответили.

Следующий вопрос предполагал выяснить, изменилась ли жизнь респондента с принятием нового имени и если «да», то как. 169 человек (64,3%) предпочли оставить данный вопрос без ответа. Для 28 участников Купальского праздника (10,6) %, принятие нового имени никак не повлияло на их жизнь. Однако 66 человек (25,1%), принявших участие в опросе, напротив, отметили, что их жизнь кардинально поменялась. Приведём характерные ответы: *изменился характер; имя*

направило в нужную сторону, отсекло лишнее; повысилось качество жизни; расширение кругозора; жизнь стала ярче, насыщеннее, появилось стремление изучать историю, этнографию славян; имя дало направление жизненной цели; стал более уверен в себе; стала чувствовать природу, живых существ как единое целое, единый организм нашей планеты Земля и др.

Материалы полевых исследований показали, что при выборе языческого имени человек чаще всего руководствовался его значением (смыслом частей) и благозвучием. Отсюда – явная положительная семантика имен, которая легко выводится носителем языка из составляющих имя своих, исконно славянских корней. Известно, что в качестве антропонима могло использоваться любое нарицательное существительное, включая заимствования, термины, символы эпохи, неологизмы. Однако, по свидетельству Л. Б. Бойко, «несмотря на гипотетическую возможность изобрести абсолютно любое имя, такие антропонимы все равно в подавляющем большинстве своем остаются за пределами культурной парадигмы конкретного социума, который предпочитает адекватные имена» (Бойко, 2013: 15).

Наш материал показывает, что новые языческие течения используют адекватные имена: это древние славянские (или древнерусские) языческие антропонимы или созданные по их образцу благозвучные, значимые в славянских языческих культурах новообразования, не противоречащие сложившейся в древности традиции именования лица и отражающие языковое сознание носителей определенных религиозных движений. Подтверждается тезис о том, что «язык является продуктом, составной частью и условием культуры. Язык и культуру объединяет человеческий дух, но дух сам по себе строится культурой и выражается в слове» (Хроленко, 2016: 26).

Несомненно, что репертуар современных славянских онимов составляет особый пласт духовной культуры, мировоззрения и мировосприятия представителей новых языческих движений современной России.

В качестве «неязыческих святцев» представителям современных языческих течений предлагается использовать довольно популярное (книга выдержала пять изданий) собрание славянских имен – «Именослов. Словарь славянских имен и прозвищ с толкованием их значения и происхождения», автором которого является волхв «Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры» В. С. Казаков (Казаков, 2005). Понимая условность современных толкований значений древних имен, потерю истинных значений, автор видит в них особый смысл и призывает к их достойному использованию: «...эти имена живут, напоминая нам о наших славных пращурах, о том, кто мы и откуда, и зачем пришли в этот мир. Так будем же мы достойны деяний наших Предков, которые ведают неведомое ныне и оберегают...» (Казаков, 2005: 9).

Особенностью активно используемых в современном язычестве имен является их структура: как правило, это имена, состоящие из двух основ, каждая из которых в составе имени имеет довольно прозрачную семантику. Статистические данные свидетельствуют, что из 156 антропонимов 130 имен (83%) являются сложными и лишь 26 (17%) – включают один корень. Традиционно в Древней Руси сложносоставные имена эпохи язычества принадлежали, по преимуществу, лицам княжеского сословия, отсюда их возвышенная семантика и символические значения. По данным писателя и краеведа С. И. Вишняковой, наиболее важные славянские имена содержат корни, имеющие прямое отношение к Творцу – это, по ее мнению, *слава*, *свет*, *мир*. Так, около восьмидесяти славянских имен включают корень *слав*, около сорока имен содержат корень *свет*, около тридцати имен – корень *мир*. (Вишнякова, 1996: 6–7). Подобные имена, имеющие чистую, прозрачную для владеющего русским языком этимологию, отражают тот романтизм и высоту духа, с которым в настоящее время люди приходят в язычество.

Анализ системы мужских имен показывает, что наиболее активными по употреблению являются следующие антропонимы (в скобках указано число носителей): *Будимир* (14), *Яромир* (6), *Велеслав* (5), *Родослав* (5), *Мирослав* (4), *Борислав* (3), *Колояр* (3), *Огнеслав* (3), *Радомир* (3), *Ратибор* (3), *Светозар* (3), *Яросвет* (3). Именно в них представлены корни *мир*, *слав*, *свет* (в том числе другие корни, содержащие сему *свет*: *огонь*, *яр*, *зар*). Другие имена принадлежат одному или двум носителям.

В целом, как в мужском, так и женском именнике чаще всего присутствуют антропонимы с корнями *слав* (44 имени – 69 носителей): муж.: *Борислав (3), Братислав (2), Бронислав (2), Ведаслав (2), Велеслав (5), Вераслав, Власлав, Воислав, Всеслав (2), Громослав, Дарислав, Денислав, Доброслав, Древлеслав, Древослав, Лихослав, Любослав, Мечеслав (2), Мечислав, Мирослав (4), Мстислав, Огнеслав (3), Огнислав, Путислав (2), Родислав, Родослав (5), Святослав, Смертослав, Старослав, Стрислав, Твердослав (2), Чеслав*; жен.: *Ведослава (2), Велеслава, Верслава (2), Властислава, Доброслава, Древлеслава, Златослава Зореслава, Мирослава (2), Родослава, Ростислава, Солнцеслава*. Логично предположить, что привлекательность и распространенность онимов с указанным корнем определяется его значением – ‘слава, прославленный’. Однако в «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского корень *слав* второй части личных имен выделен особо и размещен в словарной статье СЛА-ВЯНИНЪ. Автор считает, что именно наличие данного корня в составе большого количества личных имен является одной из версий происхождения слова славянин: «иноплеменники соседи по таким именам стали звать с л а в а м и или с л я в я н а м и весь народ; от соседей слово принято самими славянами» (Преображенский, 1959: 2, 318). Таким образом, личные имена с корнем *слав* могут в сознании современных представителей язычества связываться не только со значением ‘слава, славный, знаменитый’, но и со значением ‘славянин’.

Первая часть антропонима призвана свидетельствовать о том, чем, каким образом и по какой причине прославлен или каким славянином является носитель сложного имени с корнем *слав* (Самойлова, 2016: 194). Иными словами, идея славянства и/или славы является в современном языческом именослове ведущей.

Заметим, что только в полевых материалах 2017 г. как новые языческие отмечаются имена *Всеволод, Мстислав и Святослав*, которые вместе с распространенными и после крещения Руси именами типа *Владимир, Вячеслав, Людмила* не были активными в современных языческих движениях.

Обширную группу составляют антропонимы с корнем *мир* (27 имен – 49 носителей): муж.: *Благомир, Богумир, Боримир, Боромир, Братимир, Будимир (14), Ведомир, Велемир (3), Властимир, Градомир, Добромир, Драгомир (2), Любомир (2), Межемир, Радимир, Радмир(2), Радомир (3), Ратимир, Ратмир, Святомир, Скрытимир, Яромир*; жен.: *Ведимира, Вельмира (2), Любомира, Радомира (2), Яромира*. К этой же группе следует отнести имена с начальным корнем *мир*: муж. *Мирослав (4)*; жен.: *Мировита, Миролюба, Мирослава (2), Мирояра*. Именно эта часть именника включает самое активное в неоязычестве имя *Будимир* (14 носителей). Вряд ли можно согласиться с толкованием этого имени, представленным в «Именослове» В. С. Казакова: «Будимир, будящий мир, то есть петух. Петух – священная птица Семаргла и Дажьбога» (Казаков, 2005: 19). Скорее всего, имеется ввиду ассоциативный ряд, возникающий при толковании онима. Можно отметить некоторую непоследовательность в указании на значение части *буди*, которая в других случаях интерпретируется автором как форма повелительного склонения от глагола *быть*: Будимил – Будь милым!, Будигост – Будь гостем в этом мире! (Казаков, 2005: 19).

Все имена с корнем *мир*, по мнению С. И. Вишняковой, «олицетворяют миролюбие русов» (Вишнякова, 1996: 7). Аналогичное значение корня *мир* – ‘тишина, покой, лад’ – вытекает из материалов В.С. Казакова (Казаков, 2005: 60). Однако история русской орфографии свидетельствует о различающихся в древности корнях *мир* ‘тишина, покой, лад’ и *мир* ‘вселенная, община’. Толкование онимов с современным корнем *мир*, по нашему мнению, не противоречит использованию разных древних значений, следовательно, можно предположить, что общинный характер русской ментальности имплицитно присутствует в новых языческих именах.

Особого внимания заслуживают имена, широко представляющие в разных вариантах семантику света (31 имя – 57 носителей). Это онимы с корнями: *свет* ‘светлый’, *яр* ‘яркий, ярый’, *зар* ‘заря, как заря’, *огонь* ‘огненный, как огонь’: муж.: *Будияр, Велеяр (2), Веляр, Доброяр, Златосвет, Колояр (3), Пересвет(2), Ратизар, Светлояр, Светогор, Светозар (3),*

Светолад, Святозар, Стремисвет (2), Лучезар(3), Любояр, Огнеслав (3), Огнеяр, Огнислав, Яромир (6), Яросвет (3); жен.: Зореслава, Зоряна, Огнеяра (2), Светозара (5), Солнцеслава, Сияна, Ярина (2), Ярмила, Яромира (3), Ясна. Солнечная (солярная) символика – одна из самых светлых и ярких в славянской традиции, это символика солнечной стихии, солнца, солнечных светлых богов, жизненных сил человека. Свет, солнце, огонь в славянской традиции характеризовали наиболее значимых языческих богов – Дажьбог, Сварог, Хорс, Ярила.

В полевых материалах 2017 г. активизировалось особое, в отличие предшествующих материалов, направление в выборе языческого имени: появляется довольно большое количество простых по структуре онимов. Так же, как и сложные имена, они легко этимологизируются корнями славянских языков, отсылают сознание к древнерусским языческим именам, свидетельствуют о ценности языческого имени для его современного носителя. К именам, зафиксированным ранее (Самойлова, 2016: 196), в материалах 2017 г. добавляются следующие простые антропонимы: муж.: *Бер, Ворон, Вятич, Добрыня, Заяц, Ингвар, Купало, Паук, Тур, Хват*; жен.: *Весея, Ракита, Родона, Сияна, Ясна* (25% – 15 имен из 61 имени, записанных в 2017 г.). Как правило, эти имена связывают человека с явлениями животного мира, приписывая носителям имен их качества (сила, мощь, мудрость – *Бер* `медведь`, *Тур, Ворон*) или выступают оберегами (*Заяц, Паук*). Антропонимы *Вятич, Добрыня, Купало* отсылают сознание к исконно русским маркерам языческой жизни: наименование одного из восточнославянских племен (вятичи), имя одного из былинных богатырей (Добрыня), название древнего языческого праздника (Купала). Антропонимы *Хват* `хваткий`, *Ракита* `ракита`, *Весея* `сельская, деревенская` от *весь* – `деревня` представлены в именованном В. С. Казакова, где этимологизируются корнями русского и древнерусского языка (Казаков, 2005).

Имена *Ингвар, Родона* – заимствования из древних языков: *Ингвар* – древнескандинавское `воинственный, воин бога Инга`, *Родона* – греческое `роза`. Предполагаем также, что имя *Родона* можно соотнести с корнем *род* (*Родь* – древнейшее языческое божество у славян).

Таким образом, ономастическое пространство новых языческих движений обладает несомненным ценностным потенциалом. Исконные славянские антропонимы и новообразования, созданные по существующим древнерусским моделям, несут лингвокультурологическую информацию о ценностях славянского мира: этических категориях, семье, достоинстве, чести, славе, борьбе, ратных подвигах и внутренних характеристиках славянина, русина. В каждом конкретном новом имени отражены представления, чаяния, духовные искания отдельного человека, а выбор и принятие языческого имени становится переломным моментом в жизни человека.

Среди полученных ответов выделим следующие названные изменения: открылась новая сторона жизни, появилась уверенность в себе, изменилось мировоззрение, появилась полнота самовосприятия, появилось стремление лучше понять жизнь и себя, изменился характер, повысилось качество жизни, ушло лишнее, появились другие требования к себе. Иными словами, признается существенная роль имени в духовной жизни человека, формировании ценностных ориентиров в его жизни, мировоззрении и мировосприятии. «Системы антропонимов выступают как маркеры времени, социальных процессов, культурной и личной идентичности. Антропоним можно считать одним из главных признаков индивида как социального существа. Значимость антропонимического фактора в системе культуры подтверждается его участием в разрешении дихотомии «свой – чужой» (Бойко, 2013: 20). По нашему мнению, «в новых языческих течениях дихотомия «свой – чужой» представлена в виде параллельного именованного лица с помощью генетически восходящего к языческим корням существовавшего когда-либо или созданного по древнерусской модели имени (для своих) и официального (паспортного) имени (для всех)» (Самойлова, 2016).

Таким образом, новое ономастическое пространство отражает духовные ориентиры и ценности современных языческих течений. Аксиологическими маркерами феномена современного язычества выступают понятия добра, света, славы, этические категории, переоценка собственного мировоззрения и мировидения через призму нового имени.

Ориентируясь на традиционный ономастикон древнего язычества, современное язычество отражает собственные предпочтения в выборе имени. Выбор онима и обряд имянаречения определяются новыми условиями существования и отношениями духовного мира современного человека.

Учитывая «потерю преемственности культуuroобразующего влияния религий древности, а также принципиальную невозможность их возрождения в первоначальных формах» (Мартинович, 2016: 171), отметим имянаречение и именотворчество как наиболее яркий показатель связи настоящего и прошлого язычества. Тезис о том, что «современное язычество не имеет и не может иметь ничего общего с древним язычеством, живая преемственность с которым безвозвратно утеряна» (Мартинович, 2016: 171), не может, по нашему мнению, жестко проецироваться на ономастическое пространство современного язычества.

Выступая в качестве социального, культурного и индивидуального маркера, новое имя является средством самоидентификации не только его отдельных носителей, но и новых языческих сообществ в целом. Более того, в названном аспекте языческий оним выполняет объединительную языковую функцию, позволяя распознавать «своих» и «чужих», иными словами – представителей неоязычества любого варианта, течения, толка и других, не имеющих отношения к современному язычеству.

Список литературы:

- Агальцов А. Н.** Российское неоязычество как религиозно-нравственный феномен: дис. ... канд. филос. наук. – Тула, 2010. – 133 с.
- Бойко Л. Б.** К вопросу о роли антропонима в лингвокультуре // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – Вып. 2. – С. 13–21.
- Вишнякова С. И.** Русско-славянские имена / С. И. Вишнякова. – 2 изд., исправ. и доп. – Комсомольск-на-Амуре: Со-Весть, 1996. – 84 с.
- Гайдуков А. В.** Славянское новое язычество в России: опыт религиоведческого исследования // Новые религии в России: двадцать лет спустя. – СПб., 2013. – С. 169–180.
- Гарагуля С. И.** К вопросу об антропонимической идентичности // Вопросы ономастики. – 2012. – № 2 (13). – С. 43–52. Доброслав. Радость Солнцепоклонника. Б. М.: Сфера Интернет, 2003.
- Кавыкин О. И.** Родноверы. Самоидентификация неоязычников в современной России. – М.: Институт Африки РАН, 2007. – 232 с.
- Казаков В. С.** Именослов. Словарь славянских имен и прозвищ с толкованием значения и происхождения / В. С. Казаков. – М.; Калуга: Русская правда. – 2005. – 240 с.
- Мартинович В. А.** Проблематика целостного восприятия феномена неоязычества // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования: монография. – Нижний Новгород: Мининский университет, ООО «Типография «Поволжье». – 2016. – С. 161–175. ПМА – Полевые материалы автора, 2017.
- Преображенский А. Г.** Этимологический словарь русского языка. В 2-х томах. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. – 1959. – 1233 с.
- Самойлова Г. С.** Антропонимы как способ самовыражения в новых языческих течениях // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования: монография. – Нижний Новгород: Мининский университет, ООО «Типография «Поволжье». – 2016. – С. 190–200.
- Топоров В. Н.** О палийской топономастике // Ономастика Востока: Исследования и материалы. – М.: Наука, 1969. – С. 33–48.
- Хроленко А. Т.** Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта, 2016. – 184 с.
- Шиженский Р. В.** На полях // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования: монография. – Нижний Новгород: Мининский университет, ООО «Типография «Поволжье». – 2016. – С. 5.
- Шиженский Р. В., Тютина О. С., Сморгевская О. А.** Особенности современного языческого мировоззрения (по данным полевых исследований) [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. – 2016. – № 1.
- Шнирельман В.** Арийский миф в современном мире. – М.: Новое литературное обозрение. – 2015. – Т. 1-2. – 536 с.
- Шиженский Р. В., Суровегина Е. С.** Роль пищи в русском язычестве XXI века // Общественные науки. 2017а. – № 1. – С. 492–502.

- Шиженский Р. В.** Особенности нового языка («новояза») русских язычников XXI века // Научное мнение. – 2017. – № 11. – С. 25–33.
- Шиженский Р. В., Суровегина Е. С.** «Родноверческий оберег»: погружение в языческую традицию XXI века // Научное мнение. – 2017б. – № 12. – С. 10–14.
- Шиженский Р. В., Суровегина Е. С.** «Почему я стал язычником»: опыт опроса лидеров диаспоры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6-1 (68). – С. 213–216.
- Шиженский Р. В., Суровегина Е. С.** Социальный портрет современных русских язычников: сравнительный анализ (по данным анкетных опросов 2014-2015 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017в. – № 12-1 (86). – С. 201–204.
- Шиженский Р. В.** Современный языческий рейтинг исторических деятелей России (по данным полевых исследований) // Colloquium heptaplomeres. – Нижний Новгород: НГПУ, 2015. – № 2. – С. 19–29.
- Aitamurto Kaarina, Tottina O. S.** Язычество, традиционализм, национализм. Нарративы русского родноверия [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. – 2017. – № 4.
- Barner-Barry C.** Contemporary Paganism: Minority Religions in a Majoritarian America. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 237 p.
- Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives / Michael Strmiska, editor. – Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005. – 382 p.
- René Gründer, Michael Schetsche & Ina Schmied-Knittel.** Der andere Glaube. Europäische Alternativreligionen zwischen heidnischer Spiritualität und christlicher Leitkultur. – Würzburg: ERGON Verlag, 2009. – 196 p.
- Shizhenskii R., Aitamurto K.** Multiple Nationalisms and Patriotisms Among Russian Rodnover // Cosmopolitanism, Nationalism, and Modern Paganism. New York: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 109–132.
- Shizhenskiy R.** The role of food in contemporary Russian Paganism // Walking the old ways in a new world. Contemporary paganism as lived religion. Katowice: Sacrum Publishing house, 2017. – P. 161–182.

Самойлова Галина Савельевна – кандидат филологических наук, доцент.

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина».

Ул. Ульянова, д. 1, Нижний Новгород, Россия, 603005.

E-mail: galasam2010@yandex.ru

Суровегина Екатерина Сергеевна – преподаватель

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина».

Ул. Ульянова, д. 1, Нижний Новгород, Россия. 603005.

E-mail: ekaterina.surovegina@mail.ru

Шиженский Роман Витальевич – кандидат исторических наук, доцент.

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина».

Ул. Ульянова, д. 1, Нижний Новгород, Россия, 603005.

E-mail: heit@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2019 г.

G. S. Samojlova, E. S. Surovegina, R. V. Shizhenskij

**SELF-IDENTIFICATION OF PAGANS IN MODERN RUSSIA: THE PHENOMENON OF THE NAMES
(according to the materials of field research)**

The article is devoted to the study of the phenomenon of the name-bearing and the name of naming in the pagan movements of modern Russia. The principles of the choice and appropriation of the sacred name as a means of self-expression and self-identification of new pagans, their distancing from the current, traditionally formed on the basis of the Orthodox culture of the namesake, are explored. It is established that the onomastic space of neo-paganism does not repeat and does not overlap with the ancient pagan nomenclature. Focusing on the traditional pagan onomasticon, modern paganism reflects their own preferences in choosing a name. The choice of anonym and rite of naming are determined by the new conditions of existence and the relations

of the spiritual world of modern man. The predominant names are, as a rule, a complex structure, with positive semantics. The axiological markers of the phenomenon of modern paganism are the concepts of goodness, light, glory, ethical categories, reassessment of one's own worldview, and worldview through the prism of a new name. The name, in the respondents' opinion, determines the changes in their lives, helps to broaden their horizons, self-knowledge, improve the quality of life. Acting as a social, cultural and individual marker, the new name is a means of self-identification not only of its individual bearers but of new pagan communities in general. The onomastic space of modern paganism unites the representatives of neo-paganism of any variant, current, sense, allowing to recognize "one's own" and "others" – others that are not related to modern paganism.

Key words: *modern Russian paganism, onomastic space, rite, naming, sacredness, self-identification, questionnaire.*

References:

- Agal'cov A. N.** *Rossijskoe neojazychestvo kak religiozno-nravstvennyj fenomen* [Russian neopaganism as a religious and moral phenomenon]. The dissertation of the candidate of philosophical sciences. – Tula, 2010. 133 p. (In Russian).
- Bojko L. B.** K voprosu o roli antroponima v lingvokul'ture [On the role of anthroponym in lingvoculture]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo university I. Kanta*, 2013, – Vyp. 2, – P. 13–21. (In Russian)
- Vishniakova S. I.** *Russko-slavianskie imena* [Russian-Slavic names]. S. I. Vishniakova. – 2 izd., isprav. i dop. – Komsomol'sk-na-Amure: So-Vest Publ., 1996. – 84 p. (In Russian)
- Gajdukov A. V.** Slavjanskoe novoe jazychestvo v Rossii: opyt religiovedcheskogo issledovanija [Slavonic new paganism in Russia: the experience of religious studies], *Novye religii v Rossii: dvadcat' let spustja* [New religions in Russia: twenty years later]. – SPb, 2013. – P. 169–180. (In Russian)
- Garagulja, S. K** voprosu ob antroponimicheskoj identichnosti [On the question of anthroponymic identity] // *Voprosy onomastiki*, 2012. – № 2 (13). – P. 43–52. (In Russian)
- Dobroslav. *Radost' Solncepoklonnika* [The joy of the Sun-worshiper]. B. M.: Sfera Internet Publ., 2003. – 50 p. (In Russian).
- Kavykin O. I.** *Rodnovery. Samoidentifikacija neojazychnikov v sovremennoj Rossii* [Rodnovers. Self-identification of neopagans in modern Russia]. – Moscow, Institut Afriki RAN Publ., 2007. – 232 p. (In Russian).
- Kazakov V. S.** *Imenoslov. Slovar' slavianskikh imen i prozvizhch s tolkovaniem znachenija i proiskhozhdenija* [Imenoslov. Dictionary of Slavic names and nicknames with interpretation of meaning and origin]. V. S. Kazakov. – M.; Kaluga, Russkaia pravda publ., 2005. – 250 p. (In Russian)
- Martinovich V. A.** Problematika celostnogo vosprijatija fenomena neojazychestva [The problem of holistic perception of the phenomenon of neopaganism]. *Jazychestvo v sovremennoj Rossii: opyt mezhdisciplinarnogo issledovanija: monografija* [Paganism in modern Russia: the experience of interdisciplinary research: monograph]. – Nizhnij Novgorod: Mininskij universitet, OOO «Tipografija «Povolzh'e» Publ., 2016. – P. 161–175. (In Russian)
- PMA – *Polevye materialy avtora* [Field materials of the author].
- Preobrazhenskii A. G.** *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language.]. V 2 tomah. – Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovaraj, Publ., 1959. – 1233 p. (In Russian).
- Samojlova G. S.** Antroponimy kak sposob samovyrazhenija v novyh jazycheskikh techenijah [Anthroponyms as a way of self-expression in new pagan trends]. *Jazychestvo v sovremennoj Rossii: opyt mezhdisciplinarnogo issledovanija: monografija* [Paganism in modern Russia: the experience of interdisciplinary research: monograph]. – Nizhnij Novgorod: Mininskij universitet, OOO «Tipografija «Povolzh'e» Publ., 2016. – P. 190–200. (In Russian)
- Toporov V. N.** O palijskoj toponomastike [On Pali Toponymy]. *Onomastika Vostoka: Issledovanija i materialy* [Onomastics of the East: Studies and Materials]. – Moscow, Nauka Publ., 1969. – P. 33–48 (In Russian)
- Hrolenko A. T.** *Osnovy lingvokul'turologii* [Fundamentals of linguoculturology]. – Moscow, Flinta, Publ., 2016. – 184 p.
- Shizhenskij R. V.** Na poljah [On the fields]. *Jazychestvo v sovremennoj Rossii: opyt mezhdisciplinarnogo issledovanija: monografija* [Paganism in modern Russia: the experience of interdisciplinary research: monograph]. – Nizhnij Novgorod: Mininskij universitet, OOO «Tipografija «Povolzh'e» Publ., 2016. – P. 5. (In Russian).
- Shizhenskij R. V., Tjutina O. S., Smorzhevskaja O. A.** Osobennosti sovremennogo jazycheskogo mirovozzrenija (po dannym polevyh issledovanij) [Features of the modern pagan world outlook (according to field research)] // *Vestnik Mininskogo universiteta*. Elektronnyj resurs, 2016. – № 1. (In Russian)
- Shnirel'man V.** *Arijskij mif v sovremennom mire* [Aryan myth in the modern world]. – Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, Publ., 2015. – T. 1–2. – 536 c. (In Russian)

- Shizhenskij R. V., Surovegina E. S.** Rol' pishhi v russskom jazychestve XXI veka [The role of food in the Russian paganism of the XXI century]. *Obshhestvennye nauki*, 2017. – № 1. – P. 492–502. (In Russian)
- Shizhenskij R. V.** Osobennosti novogo jazyka («nojazyka») russkih jazychnikov XXI veka [Features of the new language ("newspeak") of the Russian pagans of the XXI century]. *Nauchnoe mnenie*, 2017. – № 11. – P. 25–33. (In Russian)
- Shizhenskij R. V., Surovegina E. S.** «Rodnovercheskij obereg»: pogruzenie v jazycheskiju tradiciju XXI veka ["Rodnoverkiy amulet": immersion in pagan tradition of the XXI century]. *Nauchnoe mnenie (Scientific opinion)*, 2017. – № 12. – P. 10–14. (In Russian)
- Shizhenskij R. V., Surovegina E. S.** «Pochemu ja stal jazychnikom»: opyt oprosa liderov diaspory ["Why I became a pagan": the experience of polling diaspora leaders]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2016. – № 6-1 (68). – P. 213–216. (In Russian)
- Shizhenskij R. V., Surovegina E. S.** Social'nyj portret sovremennyh russkih jazychnikov: sravnitel'nyj analiz (po dannym anketnyh oprosov 2014-2015 gg.) [Social portrait of contemporary Russian pagans: comparative analysis (according to data of questionnaires 2014-2015)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2017. – № 12-1 (86). – P. 201–204. (In Russian)
- Shizhenskij R. V.** Sovremennyj jazycheskij rejting istoricheskikh dejatelej Rossii (po dannym polevyh issledovanij) [Modern pagan rating of historical figures of Russia (according to field research)]. *Colloquium heptaplomeres*, – Nizhnij Novgorod: NGPU, Publ., 2015. – № 2. – P. 19–29. (In Russian)
- Aitamurto Kaarina, Tjutina O. S.** Jazychestvo, tradicionalizm, nacionalizm. Narrativy russkogo rodnoverija [Paganism, traditionalism, nationalism. Narratives of the Russian religion] // *Vestnik Mininskogo universiteta*. Elektronnyj resurs. – 2017. – № № 4. (In Russian)
- Barner-Barry C.** *Contemporary Paganism: Minority Religions in a Majoritarian America* [Contemporary Paganism: Minority Religions in a Majoritarian America]. – New York, Palgrave Macmillan Publ. – 2005. – 237 p. (In English)
- Michael Strmiska** (2005). *Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives* [Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives]. – Santa Barbara, ABC-CLIO Publ. – 2005. – 382 p. (In English)
- René Gründer, Michael Schetsche & Ina Schmied-Knittel.** (2009). *Der andere Glaube. Europäische Alternativreligionen zwischen heidnischer Spiritualität und christlicher Leitkultur* [Der andere Glaube. Europäische Alternativreligionen zwischen heidnischer Spiritualität und christlicher Leitkultur]. – Würzburg, ERGON Verlag Publ., 2009. – 196 p. (In English)
- Shizhenskij R., Ajtamurto K.** Mnozhestvennye nacionalizmy i patriotizm sredi russkogo Rodnovera [Multiple Nationalisms and Patriotisms Among Russian Rodnover]. *Kosmopolitizm, nacionalizm i sovremennoe jazychestvo* [Cosmopolitanism, Nationalism, and Modern Paganism]. – New York: Palgrave Macmillan Publ. – 2017. – P. 109–132. (In English)
- Shizhenskij R.** Rol' pishhi v sovremennom russskom jazychestve [The role of food in contemporary Russian Paganism]. *Progulka po starym putjam v novom mire. Sovremennoe jazychestvo kak zhivaja religija* [Walking the old ways in a new world. Contemporary paganism as lived religion]. – Katowice: Sacrum Publishing house Publ. – 2017. – P. 161–182. (In English)

Samoilova Galina Savelievna, candidate of philological sciences, associate professor.

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin.

St. Ulyanova, 1, Nizhny Novgorod, Russia, 603005.

E-mail: galasam2010@yandex.ru

Surovegina Ekaterina Sergeevna, teacher.

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin.

St. Ulyanova, 1, Nizhny Novgorod, Russia. 603005.

E-mail: ekaterina.surovegina@mail.ru

Shizhensky Roman Vitalievich, candidate of historical sciences, associate professor.

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin.

St. Ulyanova, 1, Nizhny Novgorod, Russia, 603005.

E-mail: heit@inbox.ru